

Сергей Алексеевич Мызников
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург
myznikovs@rambler.ru

Диалектное слово в контексте народной крестьянской культуры (на материалах *Словаря русских народных говоров*)

Аннотация: В данной работе предлагается попытка некоторого осмысления словарной обработки диалектных данных, в которых этнографический компонент имеет явную доминанту. Представлен краткий экскурс в историю создания диалектных сводных словарей. Этот тип словарей в русской лексикографии имеет длительную историю, уходящую в XIX век. Анализ материалов базируется на рассмотрении региональных диалектных словарей, в которых весьма глубоко представлен этнографический компонент и «Словаря русских народных говоров». К настоящему времени вышло в свет 50 томов этого словаря, что позволяет делать некоторые выводы.

Ключевые слова: этнографизм, словарь, сводный, региональный, толкование, семантика.

Abstract: *The dialectal word in the context of folk culture (based on the “Dictionary of Russian folk dialects”)*. In this paper I have made an attempt at comprehending the dictionary processing of dialectal data with prevailing ethnographic components. I also present a short digression about the history of dialectal dictionaries. This type of dictionaries has a long history in Russian lexicography, dating back to the 19th century. The analysis is based on regional dialect dictionaries where the ethnographic component and the “Dictionary of Russian Folk Dialects” are very well represented. To date, 50 volumes of the dictionary have been published, allowing for some conclusions.

Keywords: ethnography, dictionary, consolidated, regional, interpretation, semantics

Академическая диалектная лексикография начала развиваться еще в XIX веке как сводная, т.е. включающая в словник материалы всех говоров. Причем следует отметить, что работа над *Опытом областного великорусского словаря* началась после издания Вторым отделением Императорской Академии наук в 1847 г. *Словаря церковно-славянского и русского языка*. Собранный в первой половине XIX века диалектный материал был обобщен в двух изданиях, кроме *Опыта...*, который вышел в свет в 1852 г., в Академии наук было издано *Дополнение к Опыту областного великорусского словаря* в 1858 г. До настоящего времени эти два труда являются первыми завершенными сводными словарями русских народных говоров.

Весьма показательно, что они включают в себя лексику всех великорусских народных говоров громадной территории Российской империи. Были получены

материалы по многим губерниям, в том числе по таким, как Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Пермская, Вятская, Новгородская, Псковская, Смоленская, Тверская, Московская, Ярославская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Костромская, Нижегородская, Тульская, Орловская, Курская, Воронежская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская, Тобольская, Томская, Иркутская; из Земли Войска Донского, а также с территорией Американских колоний, которые в то время еще находились под юрисдикцией Российской империи. В словник были включены собственно диалектизмы, авторы в предисловии поясняют, что эти „слова родились вследствие понятий, образовавшихся от предметов окружающей человека природы и от особенных занятий народа”; фонетические и словообразовательные диалектизмы, которые трактуются как „слова, уклонившиеся от нормального употребления языка, нередко искаженные до крайности” (Опыт 1852, II). В целом в *Опыте областного великорусского словаря* было собрано и объяснено 18 011 слов, а в *Дополнение к Опыту областного великорусского словаря* – 22 895 слов. *Опыт...* и *Дополнение...* были первыми серьезными трудами в области диалектной лексикологии и лексикографии. Они сыграли важнейшую роль в дальнейшем собирании диалектных материалов, открыли целый ряд научных проблем, связанных с изучением истории русского языка.

К выходу в свет в 1965 г. завершающего 17-го тома *Словаря современного русского литературного языка* (БАС), председатель редакционной коллегии Ф.П. Филин решил вновь, как это было в XIX веке обратиться к созданию словаря русских диалектов. В конце 50-х годов все отчетливее проявляется необходимость создания такого труда, который обобщил бы в себе все накопленные за многие десятилетия собирательской деятельности материалы по диалектной лексике и фразеологии. Таким образом, сводная диалектная лексикография была продолжена в середине XX века работой над *Словарем русских народных говоров*. Наряду с разнообразными диалектными материалами в качестве источников словаря используются историко-этнографические исследования и описания, посвященные особенностям жизни русского населения тех или иных местностей, а также фольклорные источники. К настоящему времени вышло в свет 50 томов словаря.

В данной работе предлагается попытка некоторого осмысления лексикографирования диалектных данных, в которых этнографический компонент имеет явную доминанту. Следует отметить, что в истории русской диалектной лексикографии в конце XIX века появилась серия диалектных словарей с особым вниманием к этнографической стороне исследования. После выхода в свет *Словаря живого великорусского языка* В.И. Даля, который включил в словник всю совокупность лексических данных как общенародного, так и регионального характера, обнаружилось, что, несмотря на его тезаурусный характер, многих диалектных слов в нем не оказалось. Был напечатан ряд дополнений к словарю В.И. Даля. Именно на фоне сбора дополнительных сведений, А.О. Подвысоцкий начал работу над своим словарем, который он не увидел напечатанным при жизни. Он вышел

в 1885¹ г. через два года после смерти автора (Подвысоцкий 1885). В этом же году Г.И. Куликовский начал собирать слова и выражения Олонецкой губернии. Несколько позже, в 1898 г. вышел в свет его *Словарь областного олонцкого наречия* (Куликовский 1898). К настоящему времени мы имеем 4 словаря, в названии и содержании которых, этнографический компонент представлен, как важная составляющая:

1. Дилакторский П.А., *Словарь областного вологодского наречия* (по рукописи 1902 г.).

2. Дуров И.М., *Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении* (по рукописи 1934 г.).

3. Куликовский Г.И., *Словарь областного олонцкого наречия в его бытовом и этнографическом применении* (1898 г.).

4. Подвысоцкий А., *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении* (1885 г.).

Кроме того, еще одним источником этнографического плана является *Смоленский областной словарь, материалом для которого служили слова и выражения, заимствованные из моих этнографических сборников* – писал В.Н. Добровольский (1914, 1).

Следует также отметить, что имелся также проект С.А. Еремина, который предложил в 1926 г. Проект словаря русской этнографической диалектологии и Программу для собирания материала для этого словаря (Еремин 1926). Словарь русской этнографической диалектологии был задуман „в порядке опыта при изучении терминологии, относящейся к предметам: материальной культуры и бытовым названиям центральной и Северо-Западных областей Великодержавии”. По замыслу автора он мог бы решить ряд задач в сфере этимологии и семантики слов в целом, более того, позволит проследить пути этногенеза племен и народностей, населяющих данную территорию (Еремин 1926, 21). Предусматривалось включение в словарь самых разнообразных этнографических сведений, способствующих воссозданию атмосферы крестьянской жизни (Еремин 1926, 20–52).

Кроме того, в последнее время появляются совершенно новые типы этноидеографических словарей, таких например как труд О.В. Вострикова *Традиционная культура Урала: этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области* (Востриков 2000). Для словарей подобного типа выбирается небольшое число наиболее значимых, концептуально важных единиц, которые получают подробное описание. Ограничение в составе словника позволяет расширить иллюстративную зону, включить в словарь большое число контекстов, демонстрирующих сочетаемость слова, а также дополнительную энциклопедическую и культурную информацию (Земичева 2017, 26).

Ф.П. Филин в предисловии к СРНГ писал, что для *Словаря русских народных говоров* нельзя пренебрегать историко-этнографическими описаниями разных местностей, в которых содержатся очень ценные сведения о диалектных словах и особенно об их значениях и употреблении (нередко с пояснительными рисун-

¹ На титуле стоит 1885 г., на обороте титула – 1884 с текстом: Напечатано по определению Русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Санктпетербург (sic!). Ноябрь 1884.

ками). Библиография историко-этнографических исследований и описаний будет расширяться, хотя задача исчерпывающего их охвата нами не ставится (СРНГ, I, 19).

Говоря о практической работе составления словарных статей *Словаря русских народных говоров* Ф.П. Сороколетов отмечал, что

важно наметить классы слов, толкование которых необходимо предполагает приведение энциклопедических сведений. Прежде всего, это слова, обозначающие предметы и явления, отсутствующие в общенародном пользовании, т.е. относящиеся к специфическим чертам духовной и материальной культуры, социальному укладу, быту и т.п. Вся ремесленно-профессиональная терминология, включаемая в словарь, слова и термины, обозначающие понятия, связанные с особенностями быта, с обычаями, обрядами, поверьями, играми, т.е. этнографизмы в широком смысле слова должны быть обязательно определены энциклопедически, т.е. путем раскрытия самих специфических реалий, идей и понятий. Такие объяснения необходимы для названий одежды, обуви, предметов утвари, сельскохозяйственных орудий, орудий рыбной ловли, названий частей двора и дома, особенно для тех, которые в настоящее время уже вышли из употребления. Названия кушаний и напитков также в большинстве своем нуждаются в энциклопедических толкованиях (Сороколетов 2011, 85–86).

В настоящее время традиционно выделяют этнографические диалектизмы – „слова, представляющие местные названия предметов, являющихся продуктом человеческой деятельности и известных на ограниченной территории” (Касаткин 2005, 62). Такого рода материалы могут дать ценный материал не только о лексико-семантическом, структурном развитии словарного состава диалекта (языка), но и раскрыть различные стороны хозяйствования, языковые, социальные и культурные связи русского этноса с другими народами. Отличие собственно лексических диалектизмов от этнографических заключается в том, что последние обычно не имеют синонимов в литературном языке и при лексикографировании обычно получают энциклопедическое толкование.

Приведем ряд примеров подачи этнографизмов из лексикографических и других источников, материалы которые входят составной частью в СРНГ.

В этнографических работах имеется первичное описание рыбацкого или охотничьего шалаша, место для которого, обычно углублено в землю.

Ефименко: **Бу’гра** ‘шалаш из ивняка, который делают для себя промышленники на р. Печоре во время ловли белой рыбы’ Мезен. (Ефименко 1877); ‘землянка, в которой живут рыболовы и звероловы’ Мезен. (Данилевский 1869); ‘землянка рыбаков и полесовщиков’. Олон. (Лесков 1892, 98).

В словарях описание такого рода реалии присутствует, но обычно, сопровождается значениями, которые можно рассматривать как семантические сдвиги.

Словарь Подвысоцкого: **Бу’гра** ‘землянка, также шалаш из древесных прутьев, в которых ютятся рыболовы и зверепромышленники’, Мезен. Арх. (Подвысоцкий 1885, 11). **Бу’гра** ‘детский, из досок или тонких брусев домик, настолько поместительный, что дети могут в нем свободно играть. Такие домики, встречающиеся и в Архангельске, помещаются обыкновенно на дворах’ Онеж.

Словарь Куликовского: **Бу'гра** 'помещение, устраиваемое летом в сарае; одной из стен этого помещения является стена сарая, остальные три делаются из соломы, поставленной вертикально; для того, чтобы комары не залетали в бугру и не беспокоили в ней спящих, дверь в бугру завешивается рогожей' Повен. (Выгозеро) (Куликовский 1898).

Словарь Дурова: **Бу'гра** 'сделанная детьми на улице около стен дома из досок или мешков комнатка, напоминающая собою комнату в доме; здесь вообще любимое убежище детей во время игры их в домоводство и хозяйничанье'; 'лесной шалаш из хвороста и дерна, сделанный наспех около морского берега на период временных путинных рыбных промыслов'; 'неказистый, угрюмый вид крестьянской избы' – У Ивана нашего в избы, что в бугры – темень какая-то и неуют полный; Беломорье (Дуров 2011, 40).

Словарь Дилакторского: **Бугра'** 'охотничий шалаш в лесу, или шалаш, балаган, дом из досок, делаемый детьми для игры' – Найдем ли мы сейгод свою бугру (Дилакторский 1902, 38).

В современном *Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей* представлено уже несколько значений, характеризующих речь диалектоносителя.

СРГК: **Бу'гра** 'шалаш из веток и соломы для рыбаков, охотников, косцов', Медвежьегор., Кондоп., Прионеж., Подпорож., Пудож., Кандалакш., Онеж. (СРГК, I, 130); 'туристская палатка', Медвежьегор. (СРГК, I, 130); 'нора зверя', Медвежьегор. (СРГК, I, 130); 'огороженное место в лесу, где сушат листья' – *Частокол в лесу у нас звали бугра*. Беломор. (СРГК, I, 130).

Имеются также обширные материалы, собранные в бассейне реки Пинеги, хранящиеся отдельно в картотеке СРНГ.

Материалы Симиной: **Бу'гра** 'избушка на плоту из елового лапника, бересты', Пинеж. (Веегора, Сульца) (Симиная); 'шалаш', Пинеж. (Сульца, Усть-Ежуга, Церкова Гора) (Симиная); 'собачья конура', Пинеж. (Подрадье) (Симиная). **Бу'гра** 'огороженное место, где играют маленькие дети', Пинеж. (Церкова Гора, Филимоново, Засурье) (Симиная); 'детский домик из досок, тонких брусьев', Пинеж. (Веркола, Кучкас) (Симиная). **Бугра'** 'небольшая постройка', Пинеж. (Летопала) (Симиная); 'место для спанья, устраиваемое в летнее время на сеновале' Пинеж. (Симиная).

Кроме того, в картотеке СРНГ репрезентируется в различных толковательных описаниях:

Бу'гра 'шалаш из соломы или сена в углу сарая, в котором спят, когда много гнуса', Онеж. (Луза) Арх. (КСРНГ 1959); 'шалаш или землянка у охотников, рыболовов', Усть-Цилем. Арх. (КСРНГ 1951). **Бу'гра** 'укрытие от мух, комаров, обычно устраивается в сенях или в сарае' – *Мы в бугры нунь спим, комаров много в фатёры дак*, Пудож. (Ялгансельга), Медвежьегор. (Выроззеро, Пегрема) (КСРНГ 1971). 'Домик такой величины, что в нем могут играть ребята' – *Робята на сараи в бугры играют*. Пудож. (Песчаное) (КСРНГ 1971).

Полевые материалы, собранные автором, представляют уже репрезентацию иной реалии:

Бу'гра 'навес из парусины в сойме (парусной лодке) для защиты от ветра и дождя' – *Бугра делалась между средней натесью и кормой. В бортах дыры,*

в дыры шытри. Лямки сделаны, бугра с толстого брезента, на сошки кладывалась. Трое в сойме была команда, в носу сошки прятали. Где пятра, бугра прятались. Волх. (Вороново) (ПЛГО).

Следует отметить, что сама лексема **бу'гра** имеет соответствие в смежных прибалтийско-финских языках. Лесков высказывает предположение о карельском этимоне: „У кореляков употребляется слово *бу'гри*; только первоначально значит – небольшой полог, устраиваемый над постелью в летнее время для защиты от мух, а потом уже – всякое укромное место, темное, тесное, где спят” (Лесков 1892, 98). Я. Калима приводит также кар. *pugri* ‘место для сна на воздухе’, ‘полог для защиты от комаров в лесу на открытом месте или рядом с постройкой’ (Kalima 1915, 81), хотя первоначально с сомнением высказывал предположение о связи данного слова с **бугор** (Kalima 1915, 76). Ср. также саам. *puure* ‘навес, сарай для ночлега’ (Фасмер, 1, 228). Далее Я. Калима связывает карельские данные с фин. *pukra* ‘глубокий’, *murju* ‘хижина’ из рус. **му'рья** ‘бедная хижина, вообще тесное темное жилище’, с эст. *pogri* ‘подвал’ из рус. ‘погреб’ (Kalima 1915, 81). В прибалтийско-финских языках имеется также следующий материал: ливв. *bugri* ‘огороженная половиками часть сеновала, где спят летом’, при *uwidin* ‘навес над кроватью, полог’, ‘отгороженная домотканым холстом часть сеновала, где спят летом’ (СКЯМ 29, 408), кар. сев. *pukra* ‘шалаш, хижина, место для сна’, кар. твер. *bugra* ‘сарай’, кар. руг. *bugra* ‘шалаш, полог от комаров’, кар. руг. *pukri*, кар. мянт. *bugri* ‘огороженное место в углу сарая для сна, когда много комаров’ (KKS 4, 492), кар. сев. *bukra* ‘кровать под пологом в летнее время’ (Тароева 1965, 108).

В ряде случаев дифференциальный характер СРНГ делает невозможным полное представление семантики какого-л. слова. Например, в БАС лексема **самокру'тка** имеет следующее значение – ‘в дореволюционное время – женщина, вышедшая замуж тайно, против воли родителей’ (БАС, XIII, 107). Тогда как в СРНГ репрезентируются только значения, связанные с убором волос невесты, девушки или описывающие черты характера.

Самокру'тка ‘девушка, делающая до замужества женскую прическу в две косы вместо одной’. Южн. Сиб., 1847. *Раньше говорили: девки-самокрутки, а бабы – простоволоски.* Том. Иркут., Сиб. Ходить девушке самокруткой, так же как и женщине простоволосой, простой народ считает грехом и неприличием. Южн. Сиб., 1847. ‘Девушка, потерявшая право заплетать волосы по-девичьи в одну косу, и делающая прическу в две косы’ Южн., Калуж., Сиб. ‘В свадебном обряде – невеста, которая сама подбирает волосы под повойник, но не заплетая их в две косы, а оставляя по-девичьи одну’. Арх., 1885. ‘Девушка, не заплетающая косу’ – Баба – простоволоска – котора без платка, и девка, ежели косу не заплела, то это самокрутка. Мариин, Кемер., 1964. ‘Замужняя женщина, носящая волосы, заплетенные в одну косу’. Арх., 1885. **Самокру'тки** ‘супруги, не венчанные в церкви’ Забайкалье, 1960. ‘Платок, которым повязывают молодую жену’ – Когда окручали, самокруткой повязывали молодуху; Сузун. Новосибир., 1970 (СРНГ, XXXVI, 89).

Причем, если в СРНГ авторы выделяют конкретные значения, что в словарях-источниках такая информация представлена в едином тексте. Ср., например, данные Словаря Подвысоцкого **Самокру'тка, Самохо'дка**:

девушка, вышедшая замуж без дозволения родителей, бежав из дому, или, как говорят, убогом, уходом. Это случается в местностях, где много раскольников, а также когда, по местному выражению, женихи, идут на перебой, т.е. если несколько женхов сватаются на одну невесту. При обыкновенном брак совершается, по общепринятому обычаю, обряд заплетания волос молодой в две косы; но самокрутки, при отсутствии сватьи кручельщицы, сами подбирают свои волосы под повойник, и при этом не заплетают их в две косы, а оставлять по-девичьи одну косу; поэтому, самокрутками называют не тех замужних женщин, которые имеют обыкновение носить волосы в одну косу (Подвысоцкий 1885, 152).

Весьма интересно сопоставить, как описываются те или иные диалектные реалии, часто сходные по своей хозяйственной, функциональной и т.п. характеристике в олонецких, архангельских и вологодских говорах. Так, например, такая весьма распространенная на Севере реалия, как коса для косьбы.

Словарь Куликовского: **Горбу'ша** 'коса с короткой ручкой, вроде серпа; косят ею, пригнувшись к земле' (Куликовский 1898).

Словарь Подвысоцкого: **Горбу'ша** 'род большого с короткою рукоятью серпа; употребляется почти повсеместно в Архангельской губернии вместо косы для кошения травы, при чем необходимо нагибаться. О кошении травы горбушею говорят: скоблить траву' (Подвысоцкий 1885, 33).

Словарь Дурова: **Горбу'ша** 'ерпообразной формы коса, которой на Беломорье косят траву на лугах, морских и лесных сенокосах. При кошении горбушей косцу приходится нагибаться, размахивая косою удар вправо, удар влево поочередно, держа косу за ручку косьевище обеими руками' (Дуров 2011, 83).

Словарь Дилакторского: **Горбу'ша** 'большая сенокосная коса, изогнутая горбом с короткой рукояткой. Косец при каждом ударе наклоняется, размахивая по-сменно на обе стороны. Удобно для кошения по кочкам, на неровном месте, также при косьбе камыша и жесткой травы'. *Отесал сковороду железную да три косы горбуши. Ты бы здесь горбушей косил, а не литовкой* (Дилакторский 2006, 88).

В СРНГ инкорпорированы в словарную статью все данные, причем без конструирования толкования, а с подробным описанием реалии, которое представлено в том или ином источнике: **Горбу'ша** „эта коса походит на серп, только втрое больше его. Насаживается на короткий, изогнутый черен. Косят ею направо и налево, наклонившись. Скошенная трава ложится не валиками, как бывает при кошении косою, но разбрасывается по всему лугу, и оттого высыхает весьма скоро”. Арх., Сиб. 1847. „Род косы с двояковыгнутою рукоятью, косы, несколько походящей на серп и перебрасываемой при каждом взмахе со стороны на сторону; причем крестьянин трудится над работою в согбенном положении, сгорбившись: это делает сенокос одним из самых утомительных полевых занятий северных жителей, делает его истинною страдою, страданием, и время сенокоса заставляет страдать весь север; но не один север, целая Сибирь в это время страдает, т.е. косит так же, как и архангельцы, горбушею”. Арх., 1850. Кем. Арх.

[с примеч. „местные жители не знают другой косы, кроме горбуши”], 1909. В Мезени закосили стойкой, а у нас все горбуши. Мезен. Арх., 1949. Косили при мне горбушами, ноне ведь стойки. Емец. Арх., 1950. „Траву не косят горбушей, а как рубят, тяпают с плеча; замахиваясь горбушей высоко над головой справа, пригибаются вместе с ней к земле и рубят траву слева. Потом поворот и взмах горбуши над головой слева. Горбушей удобно косить траву на лугах, заросших кустарником, где негде размахнуться обычной косой литовкой. Но все же горбуши выходят из употребления, луга расчищаются от кустов”. Вельск. Арх., 1957. Олон., Прионеж. КАССР, Ленингр., Новг., 1926 [с примеч. „дедовская коса, теперь почти вытеснена литовкой – обычной косой”]. *Мы редко косим горбушей*. Костром., Пенз. „Горбушами косят сено по большей части женщины, литовками – мужчины”. Вят., Вят. губ. вед., 1847. Перм., Челяб., 1914 [с примеч. „горбуша вышла почти совершенно из употребления и сохраняется лишь местами у отдельных стариков”]. Урал., Слов. Ср. Урала, 1964 [с примеч. „изредка употребляется для кошения травы по болотам или для кошения спутанного и поваленного ветром хлеба”]. Вост.-Казах., Тобол., 1899 [с примеч. „бывшая прежде во всеобщем употреблении в Тобольском округе и теперь уцелевшая по Конде и в других углах его”]. Горбуша, она до меня была, ей косили в обе стороны. Том., Том. слов., 1964 (с пометой „устар.”). Енис., 1886–1912 [с примеч. «не так давно перестали косить горбушами»]. Краснояр., Сиб. [с примеч. „теперь почти нигде не встречается”]. Алт., Хабар., Камч., Колым., Якут. „Здесь [в Пермской губернии], точно так же, как и в Вятской губернии, косят «горбушами». Горбуша длиннее нашей косы; она насаживается на коротенький, кривой черенок, называемый косником” (СРНГ 7, 24).

В ряде случаев толкование СРНГ ограничивается описанием реалии, не рассматривая ее в общенародном контексте, т.е. к толкованиям СРНГ можно добавить употребительный синоним: **Брюшко** (удар.?). Средняя часть ткацкого челнока, куда вставляется цилиндр с намотанной нитью утка. Медын. Калуж., 1879 (СРНГ, III, 227). Ср. **Це’вка**. Цилиндр, скрученный из бересты, на который наматывалась пряжа для тканья, наподобие шпульки. *Нет ли у тебя, Марья, пустой цевки, свои-то все израсходовались* (Лапин 1994). САР 2: **Це’вка**. Трубочка, навитая нитками, употребляемая при ткани холста и других истканий (САР 6, 1219).

Таким образом, при анализе материала, представляющем специфику народной жизни, быта, трудовой деятельности, можно выделить различные типы представления семантики слова в СРНГ.

1. В ряде случаев в словаре представлены описания реалии с минимальным вмешательством в текст источника. Например, отличительной чертой лексикографических приемов в Словаре Дурова – это детальное описание реалии с сопровождением фольклорной составляющей. Например, Словарь Дурова: **Брю’га** ‘морская пристань с подъемником или краном для тяжелых грузов и большим баланом – весами для взвешивания груза тут же на пристани’ Беломорье (Дуров 2011, 39). Словарь Меркурьева: **Брю’га** ‘пристань’ Северомор. (Захребетное), Ловозер. (Понной) (Меркурьев 1979, 24). Словарь Дурова: **Зоро’д** „длинный стог сена; он состоит из закольев. Заколье составляет часть зарода между двумя воткнутыми вер-

тикально в землю жердями, образующими пролет, в который и закладывается сено. В высоту делается заколье до 3–3,5 метра; а для того, чтобы из заколья не вываливалось сено, с боков обе его стороны подпираются подпорами, называемыми порицы, по три сбоку. Заколья в зароде располагаются в линию, образуя удлиненную копну сена, имеющую до 20 заколей и больше”. Загадка: *Пять, пять овечек зород подъедают, друго пять овечек труху подбирают.* (Прясть куделю десятью пальцами) (Дуров 2011, 148). Словарь Куликовского: **Заро’д** ‘стог хлеба’, ‘стог сена’ (Куликовский 1898). Словарь Дилакторского: **Заро’д, Заро’т, Зоро’д** ‘длинный и узкий, а не круглый вид стога, состоящего из трех и более пройма сена; также куча ржаной соломы’ (Дилакторский 2006, 161).

2. Имеются случаи конструирования толкования на основе сведений, полученных из источника. Причем нередко, происходит легкая деформация семантики. Например, ср. Словарь Куликовского: **Го’рма** ‘выжженное место, на котором вырос снова частый, хвойный лесок’ – *На гормы вчерась были по ягодам;* (Куликовский 1898). СРНГ: **Го’рма** ‘выжженное место в лесу, на котором после пожара вновь вырос густой хвойный лес’ – *На гормы вчерась были за ягодами;* Вытегор. Олон. (СРНГ 7, 45). Следует отметить, что в источнике речь идет о хвойном мелколесье, где действительно растут ягоды, а в СРНГ – превратилось в густой хвойный лес, который на данной территории имеет другие устойчивые номинации, например: **Ко’рба** ‘густой дремучий высокий еловый лес’, Подпорож. (Заозерье, Усланка, Курпово, Шеменичи, Яндеба, Юковичи, Важины, Пидьма, Ульино, Гоморовичи), Прионеж. (Суйсарь, Ладва, Педасельга), Пудож. (Колово, Пяльма, Авдеево), Кондоп. (Колгостров., Гангозеро, Чоболакша, Лижма), Медвежьегор. (Сенная губа, Челмужи), Вытегор. (Ошта), Лодейноп. (Имоченицы, Шамокша, Акулова Гора, Кяргино, Тененичи, Коковичи, Алеховщина), Тихв. (ПЛГО).

3. Имеются случаи сокращения информационной основы толкования, представленной в источнике. Например, Словарь Подвысоцкого: **Сайда** ‘водящаяся в Северном океане у Мурманского берега рыба трескового рода (*Gadus saida*). Поморы называют ее: сайда-игрун, от того, что она редко уходит в глубину и держится более на поверхности воды. При промысле на сайду, у поморов примета, что если на воде слышится запах водоросли, то будет обильный улов’ (Подвысоцкий 1885, 152). В СРНГ на тех же материалах: **Са’йда**. Сайда-игрун. Рыба сайда. Поморы называют ее сайда-игрун оттого, что она редко уходит в глубину и держится более на поверхности воды. Помор. Арх., Подвысоцкий, 1885 (СРНГ XXXVI, 45).

4. В ряде случаев, некоторые реалии сельскохозяйственного производства, часто не совсем адекватно понимались собирателями и толкователями диалектной лексики.

5. Следует отметить, что большое влияние на авторскую диалектную лексикографию XIX века оказывала лексикографическая практика В.И. Даля, например: **ровдяной гусь** «дикий мелкой породы гусь» Кем., Кольск. (Подвысоцкий 1885, 147), у Даля: «**ровдяной гусь**, арх. морской гусь небольшой, мелкой породы» (Даль, 3).

Литература

- БАС**, *Словарь современного русского литературного языка*, в XVII тт., Москва, Ленинград, 1948–1965.
- Востриков О.В. (2000), *Традиционная культура Урала: этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области*, вып.1-5, Екатеринбург.
- Даль В.И. (1863–1866), *Толковый словарь живого великорусского языка*, тт. 1–4, Москва (1-е изд.).
- Даль В.И. (1880–1882), *Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора*, тт. 1–4, Москва, Санкт-Петербург 1882 (2-е изд.).
- Даль В.И. (1903–1909), *Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией проф. И.А. Бодуэна-де-Куртене*, тт. 1–4, Санкт-Петербург (3-е изд.).
- Данилевский Н.Я. (1869), *Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря»*, Сб. ОРЯС, т. 7, № 3, с. 1–17.
- Диакторский П.А. (2006), *Словарь областного вологодского наречия по рукописи П.А. Диакторского*, Санкт-Петербург.
- Добровольский В.Н. (1914), *Смоленский областной словарь*, Смоленск.
- Доп. Опыт**, *Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря»*, Санкт-Петербург, 1858.
- Дуров И.М. (2011), *Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении*, Петрозаводск.
- Еремин С. (1926), *Проект словаря русской этнографической диалектологии*, [в:] *Язык и литература*, т. 1, вып. 1–2, с. 20–52.
- Ефименко П.С. (1877), *Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Описание внешнего и внутреннего быта*, 1, Москва.
- Земичева С.С. (2017), *Индивидуальный тезаурус диалектоносителя: концепция словаря*, „Вопросы лексикографии”, № 12, с. 24–38.
- Касаткин Л.Л. (2005), *Русская диалектология*, Москва.
- КСРГК**, *Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей»*.
- КСРНГ**, *Картотека «Словаря русских народных говоров»*.
- Кузнецова О.Д. (1974), *Архангельский словарь А.О. Подвысоцкого*, „Русская речь”, №, с. 98–102.
- Куликовский Г.И. (1898), *Словарь областного олонекского наречия его бытовом и этнографическом применении*, Санкт-Петербург.
- Лапин А.Г. (1994), *Местные слова и выражения, бытующие в Белозерском крае*, [в:] *Белозерье. Историко-литературный альманах*, вып. 1, Вологда, с. 197–235.
- Лесков Н.Ф. (1892), *О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонекской губернии*, „Живая старина”, № 4, с. 97–103.
- Меркурьев И.С. (1979) *Живая речь кольских поморов*, Мурманск.
- Опыт**, *Опыт областного великорусского словаря*, 1852, 275 с.
- ПЛГО**, *Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам)*.

- Плотникова А.А. (2000), *Словари и народная: культура: Очерки славянской лексикографии*, Москва.
- Подвысоцкий А.О. (1885), *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*, Санкт-Петербург.
- САР**, *Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный*, тт. I–VI, Санкт-Петербург, 1806–1822.
- Сими́на Г.Я. (1959-1976), *Словарная картотека пинежских говоров, дар Г. Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ (ныне картотека СРНГ, хранящаяся в ИЛИ РАН, С-Петербург)*.
- СКЯМ**, *Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)*, сост. Г.Н. Макаров, Петрозаводск, 1990.
- Сороколетов Ф.П. (2011) *Семантическая структура слова в диалектных словарях* [в:] Ф.П. Сороколетов, *Избранные труды*, Санкт-Петербург, с. 83–95.
- СРГК**, *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*, т. I–VI, гл. ред. А.С. Герд, Санкт-Петербург, 1994–2005.
- СРНГ**, *Словарь русских народных говоров*. Москва, Ленинград, Санкт-Петербург, т. I–L, 1965–2018.
- Тароева Р.Ф. (1965) *Материальная культура карел. Этнографический очерк*, Москва, Ленинград.
- Kalima J. (1915) *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*, Helsingfors.
- ККС**, *Karjalan kielen sanakirja*, о. I–VI, LSFU, XVI, 1–6, Helsingfors, 1968–2005.

